

На правах рукописи

АВЕРКИНА Светлана Николаевна

РЕЦЕПЦИЯ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ БИДЕРМАЙЕР
В ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА МАННА

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(немецкоязычные литературы)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный консультант доктор филологических наук, профессор
БРОНИЧ Марина Карповна,
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», профессор кафедры зарубежной литературы и ТМК

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ПОЛУБОЯРИНОВА Лариса Николаевна
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор
кафедры истории зарубежных литератур (г. Санкт-Петербург)

доктор филологических наук, профессор
ЦВЕТКОВ Юрий Леонидович
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», профессор кафедры зарубежной литературы (г. Иваново)

доктор филологических наук, профессор
ШАСТИНА Елена Михайловна
ФГБОУ ВПО «Елабужский институт К(П)ФУ»,
заведующая кафедрой немецкой филологии
(г. Елабуга)
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)»

Защита состоится «26» декабря 2013 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212 081 14 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу 420008, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Автореферат разослан « » _____ 2013г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент _____ Р.Л. Зайни

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Томас Манн (1875 – 1955) многие десятилетия находится в центре внимания зарубежных и отечественных литературоведов. Работы, посвященные этому писателю, критику и мыслителю XX века, составляют отдельную область германистики (Th. Mann-Forschung), которая и сегодня активно развивается, затрагивая все новые темы, теоретические вопросы и проблемы взаимодействия с другими авторами и эпохами.

Актуальность данного исследования связана с обозначившейся в последнее время необходимостью расширить представление о роли бидермайера (1815-1848) в становлении творческой манеры Т. Манна после Первой мировой войны, когда система художественных взглядов и ценностных ориентиров писателя переживала значительные изменения. Это касается как формальных аспектов (жанра, композиции, повествовательной структуры текстов), так и идейного уровня произведений, написанных после 1918 года. Именно тогда Т. Манн наиболее активно знакомится с наследием писателей и драматургов, творивших в Австро-Венгрии в эпоху Реставрации (А. Штифтер, Фр. Грильпарцер, И. Нестрой, Ф. Раймундт). Изучение этой проблемы в значительной степени способствует пояснению вопроса о характере и своеобразии развития немецкоязычной литературной жизни и традиции XIX-XX веков. Последние исследования в области германистики показывают необходимость уточнения значения бидермайера, долгое время воспринимаемого как периферийное и второстепенное явление, для немецкоязычного культурного пространства. Согласно этимологической нагрузке термина, именно «бидермайер» составляет «органику немецкоязычной культурной традиции». Созревший в период посленаполеоновских войн, когда немецкое и австрийское общество стремилось вернуть буржуазные, семейные и основополагающие нравственные ценности, он образует архетипическую «параллель

бунтарскому романтизму» и «одновременно пересекается с ним» (Хализев В. Е.), являясь частью одного большого культурного процесса. Выделение бидермайеровской линии культуры помогает актуализировать понимание Т. Манном роли категории «идиллического» в системе эстетических и моральных ценностей Европы после Первой мировой войны и смысла творчества не только как эстетического акта, но и как «нравственного откровения» («sittliche Offenbarung», А. Штифтер).

Объектом данного исследования является период творчества Т. Манна с 1916г. по 1955 г.. За сорок лет писательского труда из под его пера вышли тысячи страниц дневниковых заметок и писем, были созданы многочисленные художественные произведения разного жанра, критические заметки, эссе и статьи, в которых писатель размышляет о судьбах немецкоязычной и мировой литературы, анализирует историю культуры, философии и эстетической мысли современной ему Европы.

Предметом исследования служит рецепция Т. Манном пространственно-временных и аксиологических моделей творчества авторов эпохи бидермайер, в первую очередь Адальберта Штифтера (1805-1868), диалог с которым в наибольшей степени обнаруживает себя в дневниках и письмах, статьях и художественных произведениях писателя. Фигура австрийского художника, привлекавшая внимание автора «Размышлений аполитичного» в переходное для Европы время, когда разрушалась привычная система ценностей и когда в культуре наметился процесс «возвращения к человеку», явилась центральной для формирования концепции «нового гуманизма» Т. Манна. Творчество А. Штифтера стало для Т. Манна воплощением всего того сложного поэтологического и этического комплекса, который можно обозначить как бидермайеровский. Увлечение эстетикой Жан Поля Рихтера, интерес к идиллиям Э. Мёрике, драмам и прозе Фр. Грильпарцера, поэзии А.фон Дросте-Хюльсхоф, классикам швейцарской литературы

(И. Готхельфу, Г. Келлеру) и другим писателям, творившим в эпоху бидермайера, лишь отчасти раскрывает особенности исследуемого в работе явления.

Цель исследования – изучить характер и механизмы рецепции Т. Манном литературы бидермайер и апробировать концепцию неразрывной связи механизмов «пересоздания» и «воссоздания», имеющих в контексте диалога немецкоговорящих авторов свою специфику.

В связи с этим в работе были поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать особенности поэтики бидермайера;
- определить векторы влияния бидермайера на литературу рубежа XIX-XX веков;
- выявить своеобразие развития бидермайера в Австро-Венгрии в области художественной литературы (А. Штифтер, Фр. Грильпарцер), музыкального (Й. Штраус, Й. Ланнер, Ф. фон Зуппе, К. Миллекер, К. Целлер, К. Цирер), драматического (Фр. Грильпарцер) и народного театра (И. Нестрой, Ф. Раймунд);
- определить место А. Штифтера в контексте литературы бидермайер и охарактеризовать историю прижизненной рецепции его творчества;
- исследовать особенности восприятия Т. Манном аксиологем «Bürgertum» и «Deutschtum» в первый период рецепции творчества А. Штифтера (1916г по 1918г.);
- охарактеризовать механизмы рецепции Т. Манном традиций идиллической литературы (Гомер, И.Г. Фосс, И.В. Гете, Э. Мёрике) и, с учетом выявленных закономерностей, определить границы и роль диалога с А. Штифтером при работе над книгой «Две идиллии»;
- описать хронотоп и мифопоэтические истоки «Снежной главы» романа Т. Манна «Волшебная гора»;
- проследить формирование концепции эпического в творчестве Т. Манна на примере его критических работ, посвященных природе романа;

- охарактеризовать «геронтологический дискурс» позднего творчества Т. Манна и определить роль А. Штифтера в его формировании;

Материалом настоящей работы являются: тексты Т. Манна (две идиллии «Хозяин и собака» (1918) и «Песнь о ребенке» (1919), романы «Волшебная гора» (1924), «Избранник», новелла «Обманутая» (1953), статьи, посвященные проблемам эпоса, такие как «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1922), «Искусство романа» (1939), некоторые ранние произведения – романы «Будденброки» (1901), «Королевское высочество» (1909), рассказы «Тонио Крегер» (1903), «Тобиас Миндерникель» (1898), новелла «Смерть в Венеции» (1912)); произведения А. Штифтера (сборники новелл «Штудии» (1844-1852), «Пестрые камешки» (1853), его романы «Бабье лето» (1857), «Витико» (1865-1867), эссе, сочинения по эстетике и педагогике, дневники и письма) и других авторов эпохи бидермайер, таких как Фр. Грильпарцер (повесть «Бедный музыкант»), Э. Мёрике, А. фон Дросте-Хюльсхоф, И. Готхельфа (рассказ «Черный паук»).

Рецепция творчества австрийских писателей эпохи бидермайер мало изучена как в европейском, так и в российском литературоведении. Можно назвать лишь несколько специальных работ, посвященных этому диалогу: статья Г. Роата в альманахе «Wisconsin» (1937) «“Сапфо“ Грильпарцера и „Тонио Крегер“ Томаса Манна», упоминания в работах о рецепции Грильпарцера в немецкоязычных странах, исследования, посвященные непосредственно рецепции Т. Манном А. Штифтера – статьи Й. Мюллера «Томас Манн об А. Штифтере», Э. Онаги «Томас Манн и Адальберт Штифтер – рецепция в период эмиграции», а также глава в книге на японском языке Э. Онаги «Томас Манн и Адальберт Штифтер. Штифтер в письмах, дневниках и эссе Т. Манна».

В российской германистике подобных исследований пока нет, что определяет **новизну** данной работы. Впервые в научный оборот вводятся

некоторые тексты А. Штифтера (педагогические трактаты, статьи по эстетике, «Дневник художника»), предлагаются переводы отрывков произведений, статей, эссе, писем австрийского художника, а также подробно анализируется мало изученный в России сборник Т. Манна «Две идиллии» и авторские переводы некоторых дневниковых записей и писем Т. Манна на русский язык.

Теоретическая значимость работы связана с осмыслением динамики и характера диалога двух литературных традиций – немецкой и австрийской. Взаимодействие Т. Манна с австрийскими писателями, творившими одновременно с ним (Г. фон Гофмансталем, А. Шнитцлером, Ф. Верфелем), изучено лучше. Рецепция же австрийской культуры XIX века остается по-прежнему не исследованной. Вместе с тем, именно обращение к «близким», одноязычным культурам предшествующих эпох обогащает представление о движении литературы. Имея общие истоки, немецкая и австрийская литература по-разному усваивают традиции и, вместе с тем, через различие обогащают друг друга, как, например, это происходит в случае рецепции бюргерской культуры Т. Манном. И автор «Будденброков», и многие австрийские писатели одинаково активно воспринимают бюргерскую литературу XVIII века; концепция бюргерства («Bürgertum»), созданная Т. Манном, в значительной степени ориентируется именно на опыт австрийского бидермайера и непосредственно на творчество А. Штифтера.

Методологическую базу данного исследования составили работы отечественных (Апт С.К., Какабадзе Н., Книпович Е.Ф., Мальчуков Л.И., Мотылева Т.Л., Павлова Н.С., Русакова А.Ю., Сучков Б.Л.) и зарубежных ученых, посвященные становлению Т. Манна-художника (де Мендельсон П., Г. Вайслинг, Нойманн М., Коопман Х., Харпрехт К.), и, в особенности, исследования в области сравнительного литературоведения и компаративистики (Айлерт Х., Банульс А., Беллер М., Вагет Г.Р., Виндиш-

Лаубе В. , Диркс М., Кристиансен Б., Круфт Г. В., Ленерт Г., Маркса Л. , Рида Т.Д., Фрицена В., Шпрехера Т., Штаммена Т., Штерна Г.).

В работе предпринята попытка создания методики анализа художественного диалога авторов, писавших на одном языке, но принадлежавших разным национальным контекстам и литературным эпохам.

Рецепция А. Штифтера рассматривается в исследовании как результат включенности в большую традицию немецкоязычной литературы. Представляется, что в диалог вступают не только авторы – носители этой литературной традиции – но и исторические контексты.

Рецепция А. Штифтера Т. Манном представляет собой «сложный, многоуровневый процесс коммуникации», в которой важную роль играют и собственно художественные аспекты творчества, и экстралингвистические, исторические и общекультурные факторы. Представление о коммуникативной природе изучаемого явления повлияло на выбор **теоретической базы и метода исследования** - сравнительного анализа, разработанного в трудах отечественных литературоведов (М.П. Алексеева, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, В.И. Кулешова, Д.С. Лихачева, И.Г. Неупокоевой,) и западных специалистов в области рецептивной эстетики (В. Изера, Р. Ингардена, Х-Р. Яусса).

Наряду с основной целью данной работы – определить разные механизмы рецепции Т. Манном творчества австрийских писателей эпохи бидермайер, ставится задача выделить некоторые модели художественного мира их произведений, наиболее активно воспринимаемые Т. Манном – **пространственно-временные и аксиологические.**

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Активная рецепция Томасом Манном литературы эпохи бидермайер начинается после поражения Германии в Первой мировой войне, период

переоценки ценностей и творческого кризиса писателя. Предметом наиболее пристального интереса становится творчество А. Штифтера, воспринятого Т. Манном как воплощение бидермайеровского типа художника. Рецепция бидермайера Т. Манном обогащается благодаря обращению к австрийской культуре, со свойственным ей соединением учености и духовной культуры, реформаторским духом и сдержанным отношением к общественным волнениям и революциям, сочетанием «умеренности» и чувства творческой свободы.

2. Рецепция Т. Манном творчества А. Штифтера выражает пути формирования ценностных ориентаций в классической немецкоязычной литературе XIX-XX веков, варьирующейся между австрийской и швейцарской версиями, но имеющих общий вектор развития. При этом А. Штифтер представляется связующей фигурой между Просвещением, бидермайером и модернизмом, не просто отстаивающей «идиллическое» и «буржуазно-аристократическое» в культуре, но и возвращающей романтическое сознание к архаическим патриархальным истокам, сохраняющим, «консервирующим» культурную традицию.

3. Основанием для сопоставления творчества Т. Манна и А. Штифтера является глубинная укорененность писателей в традициях буржуазной культуры. Имея общие истоки – просветительскую литературу XVIII века, эстетические искания Жан Поля Рихтера, Виланда, И.В. Гете, традиция эта по-разному усваивалась австрийским и немецким бидермайером. Для Т. Манна понимание «бюргерства» обогащается за счет знакомства с творчеством австрийского писателя.

4. Рецепция А. Штифтера в значительной степени связана с усвоением Т. Манном бидермайеровской мифологемы «разрушение идиллии» (движением от идиллии к катастрофе), которую немецкий писатель иронически и травестийно переосмысливает в романе «Волшебная гора»,

5. Существенную роль в освоении Т. Манном творчества А. Штифтера играет проблема осмысления «эпического». Своеобразие эпического письма представляется Т. Манну связанным с аксиологемами «зрелости», «медлительности», «нарастания творческих сил», нашедшими выражение в позднем романе австрийского писателя «Бабье лето». Т. Манн видит истоки этой концепции в творчестве великих «стариков немецкой культуры» и возводит к «бидермайеровской» линии литературы.

6. Рецепция Т. Манном литературы бидермайер, в частности австрийского бидермайера, определила характер творчества немецкого классика после Первой мировой войны, и, благодаря его авторитету писателя, критика и общественного деятеля, повлияла на формирование немецкоязычной литературы XX века.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут быть полезны при создании учебных пособий, посвященных широкому спектру проблем: теории литературы, немецко-австрийским литературным связям, рецепции художественного творчества, вопросам перевода, межкультурной коммуникации, всемирной литературы. Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты также могут быть использованы в практике преподавания курсов истории зарубежной литературы, межкультурной коммуникации, практики перевода, страноведения Германии и Австрии, специальных семинаров по современным проблемам отечественной и зарубежной германистики, проблемам анализа немецкоязычных текстов, спецкурсах по компаративистике.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья». Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 4 – История и типология литературных направлений, видов художественного

сознания, жанров, стилей, устойчивых образцов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских групп; пункт 5 – Уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров зарубежной литературы прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции; пункт 6 – Взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи.

Апробация работы.

Апробация результатов исследования также проводилась на международных, российских, зональных и межвузовских конференциях, среди которых: международные симпозиумы и конференции «Российского союза германистов» (Санкт-Петербург 2006, Самара, 2008, Москва, 2007, Нижний Новгород, 2005, 2010), Института литературы им. Т.Г. Шевченко (Киев, 2009), коллоквиумы стипендиатов Фр. Верфеля (Вена, 2009, 2010), «Грехневские чтения» НГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, 2004), «Филологические чтения» СПбГУ (Санкт-Петербург, 2008), «Скребневские чтения» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, 2008, 2010, 2011, 2012), ежегодная конференция «Проблемы перевода, лингвистики и литературы» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, 2006, 2007, 2008, 2010, 2011, 2012), международные конференции МГЛУ «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы» (Москва, 2011), «Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика» (Москва, 2011), Пятая международная юбилейная конференция «Толстой и мировая культура» (Ясная Поляна, 2010), конференции и круглые столы по проблемам швейцарской литературы (Нижний Новгород, 2010, 2011, 2012, 2013). Содержание диссертации представлено в монографиях «От идиллии к катастрофе

(рецепция А. Штифтера в творчестве Т. Манна)» (2012) и «Ранняя рецепция А. Штифтера в творчестве Т. Манна (1916-1924гг.)» (2012).

Структура и объем работы определяется задачами и исследуемым материалом. Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Библиографического списка, включающего в себя 559 наименований, и пяти приложений. Общий объем текста составляет 419 страниц.

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Во **Введении** содержится общая характеристика работы, позволяющая обосновать выбор темы, ее научную актуальность и новизну, намечаются методологические принципы и задачи исследования, выделяются основные тенденции в зарубежном и отечественном манноведении (Th. Mann-Forschung). Предложена классификация исследований, посвященных взаимодействию художественного мира Т. Манна с другими авторами, литературами и художественными явлениями. Проблема рецепции немецкоязычного и, в частности австрийского бидермайера, рассматривается, в первую очередь, в аксиологическом аспекте, что обусловлено биографическими и социокультурными факторами, оказавшими влияние на творчество Т. Манна в период его обращения к культуре и этическим установкам литературы эпохи Реставрации. Особое внимание уделяется фигуре А. Штифтера, творчество которого стало для Т. Манна сложного поэтологического и этического комплекса, который можно обозначить как бидермайеровский. Во Введении также представлены этапы формирования «штифтеровского дискурса» в творчестве ряда писателей и мыслителей последней трети XIX - начала XX столетия, описаны периоды интереса к

автору «Штудий» в отечественной германистике и в современной австрийской литературе, позволяющие наметить бидермайеровский вектор развития немецкоязычной литературы двух последних столетий.

Первая глава **«Культура эпохи бидермайер»**, состоящая из трех разделов, освещает особенности поэтики бидермайер в немецкоязычном культурном пространстве и литературном сознании.

В разделе **«Эстетические установки и ценностные ориентации бидермайера»** рассматривается история зарождения и развития бидермайера в контексте культуры эпохи Реставрации и намечаются основные тенденции в теоретическом изучении данного явления, имеющего сложную литературную историю.

Войдя в литературу только после того, как само обозначаемое им явление угасло, термин «бидермайер» поначалу воспринимался иронически, что обусловлено историей его происхождения («Biedermeier» – имя простодушного поэта Готлиба Бидермайера, карикатурного персонажа Л. Эйхродта и А. Кусмауля). После февральской революции 1848г. нарастало критическое отношение европейцев к ушедшей эпохе, казавшейся выражением всего застойного, консервативного и ограниченного. Понадобилось более пятидесяти лет, чтобы реабилитировать бидермайер, оценить его по-новому. В современной германистике он рассматривается как сложный, семиотически богатый феномен, значительное идейно-философское направление, пришедшее на смену романтизму и вступившее в диалог с ним. Украшение интерьеров, интерес к «вещи», декоративность, эмблематичность стиля бидермайер рассматривается как источник влияния на эстетику стиля модерн.

В работе выделены периоды развития бидермайера. Выявлено, что для раннего бидермайера (1815-1830гг.) характерны эклектизм и неоднородность, наиболее ярко выраженные в массовой культуре, охватившей все сферы эстетической жизни: живопись, музыку, дизайн,

архитектуру, литературу. На этом этапе бидермайер сильно влияет на бытовую сферу жизни людей. Не случайно основным хронотопом бидермайера становится дом, «в который хочется возвращаться», который является новым источником защиты и поэзии.

Особое внимание в данном разделе уделяется «высокому бидермайеру», представителями которого принято считать Фр. Грильпарцера, А. Штифтера, Э. Мёрике, И. Готхельф, А. фон Дросте-Хюльсхоф. Определяющей для эстетики «высокого бидермайера» является его аксиологическая составляющая, выраженная в идее смирения (Resignation), «духовно-религиозной освященности бытийных малых дел», отказе от активных действий», стремлении вызвать в читателе «благородное чувство», «этический пафос». Эта установка реализуется не благодаря активному авторскому эмоциональному участию, а с помощью введения обязательной повествовательной дистанции. Она означает не эпическую нейтральность, а, скорее авторскую «кротость»; ее соблюдают из «естественного целомудрия, из уважения к личности, ее частному бытию».

Дистанция, достигаемая введением повествовательных рамок, является принципом построения текста и одновременно ценностной характеристикой, обуславливающей своеобразие пространственно-временной организации произведения, характер и тип героев, язык повествования, образность. Для поэтики «высокого бидермайера» характерна разработка нового типа героя – маленького человека со своей «амбицией» и тайной, «дилетанта», жертвующего жизнью ради идеи искусства, героя, не властного над «негуманизированной неромантической природой» и волей случая, а также смена характера повествования. Среди жанров бидермайера преобладает повесть, со свойственной ей неровностью, публицистичностью и риторичностью XVIII века, неоднородностью повествования, то абсолютно соответствующего

«художественному модусу», то «тяготеющего к документальной, наивной околохудожественной повествовательности» (Л.Н. Полубояринова).

Другая важная черта исследуемого явления – это интерес к феномену «вещи», позволяющий выстроить линию от барокко к «высокому бидермайеру».

В конце раздела делается краткий экскурс в историю других культур, в частности, русской, где черты бидермайера явственно различимы в живописи художников (В.А. Тропинин, А.Г. Венецианов) и литературе периода после наполеоновских войн (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Н. Полевой, И. Панаев, В. Соллогуб, Н. Мундт, Ф. Корф; в поэзии – В.А. Жуковский, А.А. Дельвиг). В финале раздела отмечаются особенности развития бидермайера в Швейцарии.

Второй раздел главы **«Особенности бидермайера в Австро-Венгрии»** посвящен национальному своеобразию австрийского бидермайера в период Реставрации. Несмотря на то, что культура Германии и Габсбургской империи тесно переплетаются, можно найти тонкие, но существенные различия в эстетической и философской мысли обеих стран. В данном разделе рассматривается типичный для австрийской культуры феномен – йозефинизм, для которого характерно соединение противоположностей: умеренности и свободы, мистики и логики, что нашло отражение в выборе героев – исследователей, ученых, геологов, путешественников, привыкших наблюдать и изучать законы природы, а вместе с ними и законы нравственности. Отличительной чертой австрийского бидермайера является и его склонность к барочной театральности, проявившейся как в ее народном, демократическом, так и в аристократическом варианте. Для «народного» бидермайера очень важен особый юмор, связанный с многонациональными корнями империи. Этот юмор помогал переносить невзгоды и иронически относиться даже к самым страшным ударам судьбы, что традиционно определяет ценностный

мир австрийской культуры. Смех пронизывает комедии И. Нестроя и Ф. Раймунда; «легкая» атмосфера столицы империи прекрасно отражена в эссе А. Штифтера «Вена и венцы».

Большую роль в формировании австрийского «высокого бидермайера» сыграл драматург, автор повести «Бедный музыкант» Фр. Грильпарцер, в творчестве которого соединены буйная фантазия и рассудочность «холодной и твердой породы». Соединение духовного опыта и практического чувства жизни, барочная двойственность характеризуют также творчество других представителей австрийского бидермайера.

В третьем разделе **«Томас Манн и бидермайер: основные вехи диалога»** речь идет о ранних этапах рецепции немецкоязычного бидермайера в творчестве Т. Манна. Делается вывод о подсознательном стремлении писателя отклониться от идеалов буржуазной и, связанной с ней, бидермайеровской линией культуры. В автобиографических заметках и статьях 20-30-х гг., посвященных классикам немецкоязычной литературы, сам Т. Манн объясняет это бунтарскими настроениями юности, увлеченностью философией Фр. Ницше, А. Шопенгауера, эстетикой Р. Вагнера, желанием преодолеть традиции патрицианской буржуазной среды, сформировавшей его и определившей характер его творчества. Лишь после потрясений, связанных с Первой мировой войной, он возвращается к идеалам бюргерского миропорядка, и происходит это благодаря знакомству с творчеством А. Штифтера, одного из самых значимых и известных писателей эпохи бидермайер. Именно А. Штифтер стал для Т. Манна фигурой, по-настоящему открывшей глубокий и полный противоречий мир бидермайера, в котором за идиллическими кулисами часто скрывается предчувствие катастроф.

Вторая глава исследования **«Рецепция ценностей бидермайера в переходные эпохи»** строится на сопоставлении двух кризисных периодов

в развитии немецкоязычной культуры и их преодолении, связанном с реставрацией ряда ценностей, ставших основополагающими для культуры эпохи бидермайер и важными для творчества ряда писателей-гуманистов первой трети XX века, в частности Т. Манна. При этом рецепция художественных произведений, педагогических и эстетических трактатов А. Штифтера дает представления об основных тенденциях в развитии интереса к творчеству авторов, творивших в эпоху бидермайера.

В первом разделе второй главы **«Прижизненная рецепция А. Штифтера»** выделены этапы творчества писателя и представлены основные модели рецепции А. Штифтера как «великого поэта, сказавшего новое слово в австрийской литературе» и как провинциального автора, воспевающего, в основном, красоту родного края. Особое внимание уделено таланту Штифтера-художника, в картинах которого также реализуются принципы эстетики бидермайер: обращение к рамочной композиции, соединение нескольких точек зрения, смещение перспективы, декоративность. Для картин Штифтера характерны проработанность деталей, внимание к ландшафтам и бытовым мотивам. Вместе с тем, в поздних полотнах и этюдах художника можно выделить тенденцию к импрессионистической и символистской трактовке природных образов. В работе делается предположение, что аналогичные процессы характеризуют и литературное творчество писателя, остававшегося, по мнению Г. Бара, живописцем и в слове.

Во втором разделе **«Ключевые эстетические категории творчества А. Штифтера: нравственность (Sittlichkeit), кроткий закон (das sanfte Gesetz), мера (Maß), свобода (Freiheit), домашность (Häuslichkeit)»** речь идет об основных концепциях, повлиявших на формирование художественного мира писателя. Анализ философских, педагогических и литературных текстов, относящихся преимущественно к последнему этапу творчества, позволяет сделать вывод о двойственности

художественного метода А. Штифтера. Глубоко восприняв идеи И. Канта, К.М. Виланда, И.В. Гете и унаследовав идеализм и просветительский утопизм классической немецкой философии, он опирается, прежде всего, на категории «опыт» и «наблюдение», свойственные взглядам естествоиспытателя, физика, минеролога. Отсюда и автобиографический тип героя А. Штифтера – исследователя, натурфилософа, встречающийся как в сборнике «Штудии», так и в романах и повестях.

Особое место в прозе А. Штифтера отводится «вещи». Это - знак универсальной стабильности, вечности, непоколебимости, памятник прошлого. Вещи втягивают и отражают время. Смотрящий оживляет их, вступает в диалог с «другим» опытом, с историей. Так происходит перекодировка действительности. «Малое» вбирает все, открывает «большое».

В данном разделе делается предположение, что внимательное отношение к предметному миру типологически сближает писателей эпохи бидермайер с Т. Манном, особенно в связи с его оригинальной концепцией «бюргерства» (Bürgertum), выражение которой можно найти почти во всех произведениях писателя, начиная с первого романа «Будденброки». Однако, прожив первые пятьдесят лет в эпоху правления Бисмарка, когда новообразовавшийся бюргерский класс был наиболее важен для формирования культурной элиты, писатель видел и его упадок. Бюргерство для Т. Манна – явление амбивалентное, выражающее, с одной стороны, - умеренность, стабильность, ответственность, рациональность, силу, религиозную и светскую духовность, соблюдение традиций, семейность, солидность, «немецкость», с другой стороны, - закоренелость, консерватизм, зараженность геном разрушения, обреченность. Эта идея реализуется и в других главах работы.

В разделе **«"Бертрамовская модель" рецепции Адальберта Штифтера в творчестве Т. Манна 1916-1918 гг.»** анализируются

дневники и письма автора «Записок аполитичного» последних военных лет. В это время в его творчестве и личной жизни назревает тяжелый духовный кризис, вызванный разрушением политических идеалов и обострением отношений с братом Генрихом Манном. Чтение «детей Австрии» – Фр. Грильпарцера, Н. Ленау, Ф. Раймунда, Ф. фон Заара, в произведениях которых соединяются просветленность (Herrlichkeit) и мерцающий мрак (dunkelflammig), зрелость и наивность, жертвенность, благочестие и наслаждение «ароматами жизни» – отвлекает его от тяжелых переживаний. Особую роль играет знакомство с творчеством А. Штифтером, которое состоится благодаря германисту, исследователю Фр. Ницше, автору диссертации о сборнике рассказов «Штудии» Э. Бертраму. Через несколько лет Т. Манн радикально разойдется с ним во взглядах. На этом этапе, с 1916 по 1919 гг., их объединяют общие политические интересы и эстетические взгляды. Работая над «Записками аполитичного», Т. Манн много размышляет о концепции «немецкости» («Deutschtum»), противопоставленной цивилизационной модели культуры. Эту модель – прафранцузскую, антинемецкую, по мысли Т. Манна, поддерживает его брат Генрих.

Личный конфликт совпадает для Т. Манна с конфликтом экзистенциальным. В этом состоянии неопределенности влияние Э. Бертрама оказывается важным для формирования ценностных ориентиров писателя. Одним из выразителей «аристократической аполитичности» Т. Манн, вслед за Э. Бертрамом, считает А. Штифтера. С его образом автор «Записок аполитичного» связывает концепцию письма, основанного не только на стремлении к поэтическому выражению, но и на попытке нравственного откровения, на призыве к духовному оздоровлению. Триада «немецкость» («Deutschtum») – «буржуазность» («Bürgertum») – «нравственность» («Sittlichkeit») является на этом этапе рецепции А. Штифтера смысломоделлирующей.

В четвертом разделе **«Типологические схождения у А. Штифтера и Т. Манна. Терапевтический эффект творчества»** рассматривается проблема взаимодействия биографических и художественных измерений творчества Т. Манна и делается попытка выявить мотивы, типологически близкие авторам эпохи бидермайер, еще в ранних произведениях писателя. Они связаны, в первую очередь, с категорией «идиллического», к которой Т. Манн обращается в романе «Его королевское высочество» (1909). Это – первый роман со счастливым концом, в жанровом отношении представляющий собой соединение сказки, тривиальной любовной повести и пародии на историческую литературу. Однако именно в «Его королевском высочестве» разрабатывается важнейшая для Т. Манна тема «возможности счастья для художника». Счастья и успокоения ищет Т. Манн после работы над «Записками аполитичного», вызвавшими серьезную критику. Чтение произведений А. Штифтера имеет, по признанию Т. Манна, «терапевтический эффект». Способность автора «Бабьего лета» «учить» и «успокаивать» не раз отмечалась исследователями творчества писателя и германистами. Это связано с особым представлением А. Штифтера о диететике и нравственном исцелении. Анализ образов героев-врачей дает представление о теории естественного оздоровления, которое возможно, благодаря правильному образу жизни, труду, вдумчивому и глубокому восприятию природы и искусства. На этом этапе рецепции, затронувшей, в первую очередь, сферу этических и аксиологических установок Т. Манна, он полагает, что идиллии А. Штифтера наполнены жизнеутверждающим пафосом. Подобное представление в значительной мере определяет его творческие планы, связанные с работой над созданием концепции книги «Две идиллии».

Эта тема развивается в третьей главе работы **«”Штифтеровский пласт” в книге Томаса Манна “Две идиллии”»**. Она посвящена второму

этапу рецепции Т. Манном творчества А. Штифтера и своеобразию концепции сборника «Две идиллии», в который входят новелла «Хозяин и собака» (1918г.) и стихотворение «Песнь о ребенке» (1919г.), написанное гекзаметром.

В первом разделе **«Жанр идиллии и категория идиллического в немецкоязычной литературе»** делается экскурс в историю становления жанра идиллии, который хорошо изучен в современной германистике. Первые десятилетия XX века ознаменовались подъемом интереса к идиллии, что связано со стремлением европейцев обрести покой и уверенность в период исторической нестабильности. Работая над проектом, Т. Манн внимательно изучает генезис жанра. По его собственным замечаниям, он опирается на классическую греческую традицию (Феокрита, Гомера), на мещанскую идиллию Фосса, сентименталистскую идиллию Жан Поля с ее комизмом и легкой ироничностью, на эпическую идиллию Гете, и, особенно, на идиллию и идиллическую новеллу эпохи бидермайер.

В данном разделе показано, что для создания сборника важен не только и не столько жанр идиллии, сколько категория «идиллическое», связанная с особым хронотопом, для которого характерны «прикрепленность жизни и ее событий к месту – родной стране», «единство жизни поколений», присутствие «семейного ядра», ограничение «немногочисленными реальностями, бытом», «ограниченная локальность», связанность с природой, производством и любованием «идиллической вещью», «онтологическая цельность», «мудрое отношение к жизни и смерти», «человечность человека и отношений между людьми» (М.М. Бахтин).

Категория «идиллического» сопрягается также с особым типом авторской эмоциональности, подразумевающей «радостную растроганность мирным, устойчивым и гармоничным сложением жизни,

где находит себе место спокойное бытие и счастливая любовь <...>, единение человека с природой, его живой, творческий труд» (В.Е. Хализев). При этом отмечается незащищенность «идиллических очагов», вследствие чего идиллический сюжет насыщается катастрофическим звучанием. Часто лежащие на поверхности изображение идиллической жизни, патриархального быта служит лишь приемом, призванным оттенить «ощущение трагической экзистенции» и появления «невротической личности» (Р. Пис).

Во втором разделе **«Жанровое своеобразие новеллы Т. Манна “Хозяин и собака”. Поэтика повтора»** речь идет об истории создания рассказа «Хозяин и собака». На первый взгляд достаточно наивная новелла «Хозяин и собака», повествующая о характере и привычках пса Баушана, взятого героем-писателем в дом, представляет собой сложную пародию на многочисленные тексты европейской литературы. Каждая глава истории является аллюзией на те, или иные культурные тексты и контексты, в рассказе присутствуют скрытые цитаты из Э.Т.А. Гофмана, И. Тургенева, Жан Поля, Р. Вагнера, А. Шопенгауэра. Категория «идиллического» в значительно большей степени, чем в гексаметре «Песнь о ребенке» реализуется в этой иронической новелле Т. Манна, о чем свидетельствует использование ряда близких Штифтеру приемов, например, повтора – смыслового, ритмического, структурного. Произведения Т. Манна и А. Штифтера сближает также интерес к такому сюжетно-композиционному элементу, как прогулка, представляющему собой определенную нарративную модель. Снова «штифтеровский пласт» переплетается с иронически переосмысленной автором «Хозяина и собаки» европейской традицией, открывая новую грань творчества австрийского писателя.

В третьем разделе **«”Песнь о ребёнке” как музыкальная идиллия»** речь идет об экспериментальном тексте Т. Манна, воспринятом многими

критиками как неудача. Стихотворение посвящено рождению дочери писателя Элизабет и написано фоссовским гекзаметром. Это произведение наполнено узнаваемыми биографическими подробностями и воспекает семейные радости, уют, уединенный писательский труд. Мотивный анализ указывает на близость «Песни» ценностному миру писателей эпохи бидермайер и позволяет выстроить следующую смысловую цепочку: «домашность, мера, мягкость, сердечность». Однако эта ссылка на Штифтера представляется чересчур однозначной, лишенной иронической интонации и традиционной для австрийского автора повествовательной дистанции. При формальной близости основным образцам немецкой идиллии «Песнь о ребенке» гораздо в меньшей степени, чем «Хозяин и собака», ориентируется на «идилличность» «высокого бидермайера».

«Идиллическое» реализуется здесь не столько на образном уровне, сколько в музыкальной структуре текста, наследии гексаметра, в ритме и интонации произведения. «Песнь о ребенке» можно условно назвать музыкальной идиллией, в которой сюжетный план является вспомогательным по отношению к общей тональности произведения.

Из дневников и писем следует, что работая над идиллиями, Т. Манн стремился максимально приблизиться к успокаивающей и умиротворяющей атмосфере произведений А. Штифтера. Вместе с тем, за пределами его интереса на данном этапе остается другой важный аспект творчества писателя — способность соединять «идиллическое» и «комическое» с «трагическим». Другая «темная», катастрофическая сторона его художественного мира откроется Т. Манну во время работы над романом «Волшебная гора».

В четвертой главе **«Поэтика катастрофы в романе Томаса Манна “Волшебная гора”»** анализируются культурные коды и аллюзии в эпизоде «Снег» (VI г.) романа «Волшебная гора». Особое внимание уделяется рецепции текстов А. Штифтера, описывающих природные катастрофы и

катаклизмы. В первом разделе **«Эстетические взгляды Т. Манна после Первой мировой войны. Работа над романом “Волшебная гора”»** предпринята попытка синтезировать и описать роль различных политических, культурных и эстетических концепций, волновавших писателя в первые послевоенные годы. Т. Манн окончательно отходит от ницшеанства, пессимизма А. Шопенгауэра и националистического патриотизма, продолжая, между тем, критиковать идеи французских просветителей. Его все больше интересуют взгляды христианских социологов Г. фон Эйкена, Й. Хейзинги, М. Штайнера, С. Булгакова, учение Г. Ландауэра, К. Эйснера, радикальные концепции М. Бакунина, П. Кропоткина и исследователей крупных мужских сообществ, например Г. Блюэра. Все эти идеи важны для создания новых характеров (например, иезуита Нафты), развития социально-общественной интриги романа и разработки новой концепции времени, определившей особенности хронотопа произведения.

Во втором параграфе **«Хронотоп “сна” в шестой главе романа “Волшебная гора”»** анализируется сон заблудившегося во время снежной бури Касторпа, когда он переосмысливает парадоксы клонящейся к неизбежному закату европейской культуры, существующей в поле напряжения между аполлоническими и дионисийскими стихиями. Образ свирепых старух, разрывающих младенца, свидетельствует о победе хаоса. Вместе с тем, в этом разделе делается предположение, что хронотоп сна организует не только пространство эпизода «Снег», но и является принципом построения всего романа, работает, начиная с первых страниц, посвященных прибытию Касторпа в потусторонний, замерший в волшебном сне, зачарованный мир санатория «Бергхоф» - модели современного Т. Манну общества. Об этом свидетельствуют мотивы «забвения», «удаления», «замедления и остановки», метафорические «нисхождения» героев, описания пробуждений, дремоты, наконец, —

смерти, а на стилистическом уровне – замедленный ритм, тормозящий синтаксис романа. Аналогичные приемы присутствуют в знаменитом рассказе А. Штифтера «Горный хрусталь», повествующем о скитаниях детей во время снежной бури по вершине ледяной горы. Хронотоп сна в «Волшебной горе» воспринимается как метафора кристаллизации, определяющей характер движения и пространственно-временную организацию рассказа Штифтера «Горный хрусталь».

Третий раздел **«От идиллии к катастрофе: модель природы в шестой главе романа “Волшебная гора” и рассказе А. Штифтера “Горный хрусталь”»** посвящен описанию «негуманизированной», опасной, враждебной человеку и способной изменить его жизнь стихии. Подобный образ природы создается в романе под значительным влиянием писателей эпохи бидермайер, особенно А. Штифтера, в произведениях которого снежный буран, гроза, землетрясение, наводнение не просто способствуют развитию интриги, но и знаменуют переход в иное физическое и духовное состояние, маркируют смысловую границу.

Герою «Волшебной горы» в символической форме представляются два полюса культуры – аполлонический и дионисийский. Двойственная структура культуры реализуется не только в описании сна героя, но и в создании амбивалентной модели природы в романе. Ужасное и прекрасное в ней неразрывно переплетаются. Природа представляется могущественной, капризной силой, играющей с человеком и данной ему для осознания своей человечности. Здесь нет места бунтарству и противостоянию, свойственным романтической эстетике. В этой модели угадывается бидермайеровский образ природы, разлитой вокруг и способной вмешиваться в человеческие поступки.

Указанная модель реализуется в тексте благодаря приему двойного кодирования, осуществляемого во многом с помощью контрастных образов, оксюморонов, некоторые из которых прямо заимствованы из

рассказов А. Штифтера «Горный хрусталь» и «Из баварского леса», указанных Т. Манном как главный источник влияния во время работы над описанием снегопада в «Волшебной горе».

В четвертом разделе **«Миф о Тангейзере как архетип сюжета романа “Волшебная гора”»** анализируются тексты, повлиявшие на Т. Манна во время работы над романом «Волшебная гора», построенные вокруг ключевого для этого произведения мифа о Венере и Тангейзере: рассказ Г.Х. Андерсена «Ночной колпак старого холостяка», повесть «Ледяная дева», сказка «Снежная королева», романы К. Гамсуна, особенно его рассказ «Сын солнца» и «Горный хрусталь» А. Штифтера. Для сюжета всех перечисленных произведений свойственна общая сказочная схема: понимание героем своей избранности, встреча с Венерой/ Ледяной девой/ ледяной стихией, расплата или спасение. Судьба героя романа «Волшебная гора» развивается по пессимистическому сценарию и свидетельствует о кризисе мира, стоящего на пороге серьезных катаклизмов. Однако Г. Касторп – «наивное дитя», лишь заурядная жертва времени. Он не похож на цельных и сильных героев «Горного хрусталя». Перед угрозой разрушения А. Штифтер учит и проповедует, Т. Манн лишь задает вопросы.

В пятой главе **«Геронтологический дискурс: проблема зрелости и категория эпического в творчестве Т. Манна»** описаны этапы формирования «геронтологического дискурса» в произведениях обоих изученных авторов. В первом разделе **«Пожилые герои А. Штифтера: археология смысла»** предложена классификация «стариков» А. Штифтера, среди которых можно выделить героя – «Иова», пострадавшего за правду, скромного и сдержанного героя, не выставляющего напоказ добродетели, совершившего в юности ошибку и сожалеющего о ней в зрелости, старого холостяка, одиночку-мечтателя, героя «меры» и «умиротворенности», (бидермайеровский тип), старика – мудреца,

восстанавливающего ход вещей и событий, «влюбленных стариков», встретившихся после долгого расставания и заново обретших друг друга. Последний тип героев наиболее интересен для понимания концепции воспитания А. Штифтера. Повторное узнавание мира вещей, всматривание в их суть, как и в суть явлений – процесс «археологического» углубления в историю культуры, ее глубинная реставрация. Именно многократная встреча с предметом и явлением позволяет реализоваться идее бесконечного становления личности. Это концепция положена также в основу многих педагогических трактатов австрийского классика. Она находит отражение в общественной деятельности писателя, работавшего хранителем музеев Верхней Австрии (г. Линц).

Во втором параграфе **«Мотивы страсти и старения в рассказе Т. Манна “Обманутая”»** речь идет о позднем произведении Т. Манна, затрагивающем тему «слабости возраста», тронутого последними искушениями Эроса. Главная героиня влюбляется в учителя своей дочери, молодого американца Кена, и умирает от неизлечимой болезни.

В первой части новеллы образ Розали представляется близким его «штифтеровским» прототипам. Между тем, чувство, которое переживает героиня рассказа «Обманутая», разнится с животворящим эросом «Бабьего лета». Избранник героини рассказа – человек, случайно возникший в жизни Розали. В отличие от терпеливого и укротившего свои страсти мужа Бригитты из одноименной истории А. Штифтера и блестящего, таинственного Ризаха из романа «Бабье лето», история которого предстает фактически жизнеописанием героя, бедный молодой учитель Кен в новелле «Обманутая» предстает лишь гостем, чужаком, появившемся на склоне ее жизни и смутившим уверенную в себе и правильности своих поступков женщину. Отношения Кена и главной героини отмечены физическим и духовным неравенством. Их интерес друг к другу является лишь игрой случая, а не фундаментальной, «научно-естественно»

обоснованной закономерностью, какой она предстает в художественных текстах А. Штифтера. Концепция «осенней» любви не работает в случае драматической и опасной влюбленности состоятельной, стареющей вдовы. Образ Розали во второй части новеллы намного ближе Ашенбаху, чем одному из героических типов Штифтера. Исключением может показаться образ Авдия, ставшего, как и героиня Т. Манна, жертвой неотвратимого рока. Представляется, что рассказ «Обманутая» связан не столько с поздней идиллией Штифтера, сколько с его концепцией непредсказуемой, «негуманизированной природы», готовой в любой момент покарать слабого или возомнившего о своих возможностях человека. «Обманутая» заканчивается как «обратная» история, своего рода ответ на представление о великих силах зрелости. Иначе эта тема реализуется в эссеистике Т. Манна.

В третьем разделе **«Созидательный Эрос старости (критические эссе Т. Манна “Старик Фонтане”, “Теодор Шторм”, “Герхардт Гауптман”, “Эротика Микеланджело”)**» рассматриваются критические статьи Т. Манна, посвященные «великим старикам немецкой литературы» и скульптору Микеланджело, ставшими для Т. Манна символом соединения силы зрелости, силы страсти и силы творчества. В этих текстах разных лет присутствует магистральный сюжет, определивший во многом и восприятие А. Штифтера. Согласно классификации Т. Манна, существуют два типа писателей; тех, чей талант крепнет с годами, и других, создающих лучшие произведения в юности.

Четвертый раздел **«Эпическое начало и медлительность в художественной системе Т. Манна»** посвящен теории романа Т. Манна, для которого А. Штифтер, наряду с И.В. Гете и Л.Н. Толстым, был одним из величайших создателей современного эпоса. Роман для него - объективное, ироническое повествование, соединившее опыт «наивного» и «христианизированного» взгляда на культуру, поэзию как таковую и

размышление о ней, «сотворение» культуры и рефлексию о ее границах, формах мифов и архетипов, положенных в ее основу. По мнению Т. Манна, стремление к примирению природы и духа, влечение к возвышенному и непостижимому ведет к подлинной зрелости, эпической состоятельности, «изысканной медлительности», к которой так стремился А. Штифтер. Как и для Т. Манна, для А. Штифтера зрелость не время увядания и утраты сил, а – подъем, высшая точка духовной активности. Эта концепция актуальна и для мастеров современной культуры, напряженно задумывающихся над возможностями, открывающимися перед людьми во второй половине жизни. Потенциал зрелости был отмечен многими авторами эпохи реставрации, а герои-старики играют особую роль в формировании эстетики бидермайер.

В заключении подводятся итоги и формулируются основные результаты проведенного исследования. В немецкоязычной литературной традиции бидермайер играет не меньшую роль, чем романтизм, в непрерывном диалоге с которым находятся авторы, творившие в эпоху Реставрации. Несмотря на эклектичность и неоднородность явления, бидермайер, в частности «высокий бидермайер», определяет вектор развития немецкоязычной литературы после революции 1848 года, приглушив влияние реалистических тенденций, выработав «новый» тип героя, предтечи «невротической личности» рубежа веков. Бидермайер стал связующим звеном между литературой барокко, просвещения и модернизма.

Бидермайеровская линия в литературе связана с целым комплексом ценностей, выстроенных вокруг идеи семьи, дома. Именно бидермайер является проводником таких основополагающих для культуры Германии аксиологем, как «немецкость» («Deutschtum») и «буржуазность» («Bürgertum»). Для художественного мира Т. Манна они имеют особое

значение. В течение всей творческой жизни эти аксиологемы обогащаются.

Для рецепции А. Штифтера в творчестве Т. Манна важно наличие типологических схождений, связанных, в первую очередь, с категорией «идиллического», а также контактно-генетических связей, которые прослеживаются как в дневниках и письмах Т. Манна, так и в художественных произведениях. Анализ действия механизмов «пересоздания» и «воссоздания», важных для диалога исследуемых писателей, позволяет сделать вывод о том, что внешняя близость часто приводит к отдалению от воспринимаемого текста, как это, например, происходит в стихотворении «Песнь о ребенке». Это свойство усиливается благодаря тому, что авторы пишут на одном языке. Прямая цитата максимально удаляет Т. Манна от авторов бидермайера, упрощает смысл диалога с этой большой традицией. Для рецепции Т. Манном А. Штифтера важна «ироническая аксиология», без которой пропадает такой важный аспект как дистанция, свидетельствующая о соединении творческого и критического начала в художественной системе Т. Манна. Вместе с тем, рецепция Т. Манном произведений А. Штифтера позволяет по-новому взглянуть на его творчество, открыть в его произведениях ключевые образы последующих литературных эпох и переосмыслить значение бидермайера для становления немецкоязычной литературной традиции в целом.

По теме Диссертации опубликованы следующие **статьи**:

Среди них в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Аверкина, С.Н. Литературные аллюзии в идиллии Т. Манна «Хозяин и собака» / С.Н. Аверкина // Вестник Нижегородского государственного

лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 11. Нижний Новгород, 2010. С. 11-120. (0,6 п.л.)

2. Аверкина, С.Н. «Русская антология» и немецкая идея Т. Манна / С.Н. Аверкина // Вестник Челябинского государственного университета. № 4. Челябинск, 2010. С. 6-19. (0,5 п.л.)

3. Аверкина, С.Н. К вопросу о переводе названия идиллии Т. Манна «Песнь о ребенке» / С.Н. Аверкина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 15. Нижний Новгород, 2011. С.136-143. (0,5 п.л.)

4. Аверкина, С.Н. Типология пожилых героев в творчестве А. Штифтера / С.Н. Аверкина // Вестник воронежского архитектурно-строительного университета. Выпуск 1 (17). Воронеж, 2012. С. 167-175. (0,5 п.л.)

5. Аверкина, С.Н. Концепты «нравственность», «кроткий закон», «мера» и «свобода» в творчестве А. Штифтера / С.Н. Аверкина // Казанская наука. Выпуск 6. Казань, 2012. С.124-127. (0,5 п.л.)

6. Аверкина, С.Н. Хронотоп «сна» в шестой главе романа Т. Манна «Волшебная гора» / С.Н. Аверкина // Казанская наука. Выпуск 7. Казань, 2012. С.130-133. (0,5 п.л.)

7. Аверкина, С.Н. «Геронтологический дискурс» в творчестве Т. Манна. / С.Н. Аверкина // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Ч. 1. / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 5 (638). М., 2012. С. 22-29. (0,5 п.л.)

8. Аверкина, С.Н. Семиотика сна в шестой главе романа Т. Манна «Волшебная гора» / С.Н. Аверкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 4 (638). М., 2012. С.9-16 (0,5 п.л.)

9. Аверкина, С.Н. Мотив увядания в новелле Т. Манна «Обманутая» / С.Н. Аверкина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического

университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 19. Нижний Новгород, 2012. С. 121-128. (0,5 п.л.)

10. Аверкина, С.Н. «Швейцарский проект» в НГЛУ / С.Н. Аверкина, И.Ю.Зиновьева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 16. 2011. С. 269-271. (0,3 п.л.)

11. Аверкина, С.Н. Мастерская художественного перевода при НГЛУ им. Н.А. Добролюбова / С.Н. Аверкина, В.Г. Зусман, М.Б. Чиков, Н.С. Шалгинова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 3. Нижний Новгород, 2008. С.180-182. (0,3 п.л.)

12. Аверкина, С. Н. Творческая встреча со швейцарской писательницей Ильмой Ракузой. Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 20. Нижний Новгород, 2010. С.215-218. (0,3 п.л.)

13. Аверкина, С. Н. Особенности поэтики бидермайера / С.Н. Аверкина «European social science Journal». Выпуск 5 (34). Рига-Москва, 2013. (0,9 п.л.)

Монографии:

14. Аверкина, С.Н. От идиллии к катастрофе (Рецепция А. Штифтера в творчестве Т. Манна) / С.Н. Аверкина. Нижний Новгород, 2012. 120 с. (7 п.л.)

15. Аверкина, С.Н. Ранняя рецепция А. Штифтера в творчестве Т. Манна (1916-1924гг.) / С.Н. Аверкина // Saarbruecken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 180 с. (10,2 п.л.)

Статьи в научных сборниках и материалах конференций:

14. Аверкина, С.Н. Рецепция творчества Кафки во французской эссеистике 40-х годов (на примере эссе А. Камю «Миф о Сизифе» и эссе Н. Саррот «От Достоевского к Кафке») / С.Н. Аверкина // Свое и чужое в

европейской культурной традиции // Литература – Язык – Музыка. Нижний Новгород, 2000. С. 197-201. (0,2 п.л.)

15. Аверкина, С.Н. Формирование жанрового мышления Т. Манна (на примере анализа мотива «падения на колени/поцелуя руки») / С.Н. Аверкина // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Спецвыпуск. Нальчик, 2007. С.112-123. (0,8 п.л.)

16. Аверкина, С.Н. Рецепция Кафки в творчестве Э. Канетти (на примере эссе «Другой процесс») / С.Н. Аверкина // Синтез культурных традиций в художественном произведении: межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГПИ, 1999. С. 249-255. (0,5 п.л.).

17. Аверкина, С.Н. Образ Вены в петербургских газетах рубежа веков / С.Н. Аверкина // Jahrbuch der Österreichbibliothek in St. Petersburg. Österreichische Literatur: Wien und Sankt-Petersburg um Jahrhundertwende(n): Kulturelle Interferenzen. Sankt-Petersburg, 2001. S. 573-579. (0,4 п.л.)

18. Аверкина, С.Н. Новелла Т. Манна «Разочарование». Формирование романтической модели / С.Н. Аверкина // X Гуляевские чтения. «Мир романтизма». Материалы международной научной конференции. Тверь, 2002. С. 172-179. (0,5 п.л.)

19. Аверкина, С.Н. Im Rechten leben... (предисловие Т. Манна к американскому изданию «Замка» Ф. Кафки) / С.Н. Аверкина // Перевод. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Материалы международной конференции. Нижний Новгород. 2005. С. 347-358. (0,9 п.л.)

20. Аверкина, С.Н. Концепт «Идеализм» / С.Н. Аверкина // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001. С. 193-195. (0,2 п.л.)

21. Аверкина, С.Н. Концепт «Порядок» / С.Н. Аверкина // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001. С. 195-197. (0,3 п.л.)

22. Аверкина, С.Н. Концепт «Deutschtum» / С.Н. Аверкина // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Сборник материалов международной конференции. Нижний Новгород, 2005, С. 11. (0,1 п.л.)
23. Аверкина, С.Н. Современные театральные постановки по произведениям Т. Манна в освещении отечественной критики (1991 – 2005) / С.Н. Аверкина // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Москва, 2007. С.251-260. (0,8 п.л.)
24. Аверкина, С.Н. Концептуальный статус физиологизмов в новелле Т. Манна «Обманутая» («Die Betrogene») / С.Н. Аверкина // Диалог культур. Литература и межкультурная коммуникация. Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Сборник материалов международной конференции. Нижний Новгород, 2005, С. 59-62. (0,2 п.л.)
25. Аверкина, С.Н. Художественный перевод как фактор рецепции (образы одежды в русских переводах Т. Манна и Ф. Кафки) / С.Н. Аверкина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 1. Нижний Новгород, 2007. С.192-199. (0,7 п.л.)
26. Аверкина, С.Н. Концепт «Средиземное море» (на примере новеллы А. Штифтера «Авдий» и романа Ф. Верфеля «40 дней Мусса-Дага») / С.Н. Аверкина // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Художественная реальность и литературный концепт Сборник материалов международной научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С.141-145. (0,5 п.л.)
27. Аверкина, С.Н. Th. Mann und A. Stifter: Die Poetik der Grenze / С.Н. Аверкина // Jahrbuch der Österreichbibliothek in St. Petersburg. Österreichische Literatur: Grenzen und Übergänge. Hrsg. von A. Belobratow. SPb. 2009. S. 39-43. (0,5 п.л.)

28. Аверкина, С.Н. Критика творчества А. Штифтера во второй половине XIX века / С.Н. Аверкина // XXIII Пуришевские чтения. Зарубежная литература XIX в. Актуальная проблема изучения. Сборник статей. Москва, 2011. С.67-69. (0,5 п.л.)
29. Аверкина, С.Н. «Эпическая ирония» Т. Манна, или «после Л.Н. Толстого» / С.Н. Аверкина // Яснополянский сборник. Статьи, материалы, публикации. Тула, 2010. С. 269-276. (0,6 п.л.)
30. Аверкина, С.Н. От «страстного напева» к «нравственной повести» / С.Н. Аверкина // Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках. Нижний Новгород: Деком, 2011. С.147-155. (0,6 п.л.)
31. Аверкина, С.Н. «Снежная рамка» в шестой главе романа Т. Манна «Волшебная гора» / С.Н. Аверкина // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Москва, 2011. С. 116-122 (0,5 п.л.).
32. Аверкина, С.Н. Эссе Т. Манна «Эротика Микеланджело». Размышления о возрасте / С.Н. Аверкина // Романский акцент в мировой художественной культуре. Нижний Новгород: НГЛУ, 2011. С. 7-10. (0,2 п.л.)
33. Аверкина, С.Н. «Немецкий текст» в переводах С.К. Апта / С.Н. Аверкина // Язык. Культура. Коммуникация. Сборник научных трудов. Выпуск 15. В 2 т. Т.1. Нижний Новгород, 2012. С.12-17 (0,4 п.л.).
34. Аверкина, С.Н. Две войны: Генрих Манн versus Томас Манн (1916-1918гг.) / С.Н. Аверкина // Французская литература в контексте мировой культуры. Коллективная монография. Нижний Новгород, 2012. С.242-248. (0,3 п.л.)
35. Аверкина, С.Н. Произведения Т. Манна в постановке Г. Абрамова / С.Н. Аверкина // Язык культура и общество в современном мире. Материалы международной конференции. Нижний Новгород: НГЛУ, 2012. С.98-99. (0,1 п.л.)

36. Аверкина, С.Н. Адальберт Штифтер – живописец / С.Н. Аверкина // Скребневские чтения. К 90-летию заслуженного деятеля науки РФ проф. Ю. М. Скребнева. Материалы научной конференции. С. 14-16. (0,2 п.л.)
37. Аверкина, С.Н. «Русская» Швейцария / С.Н. Аверкина, И.Ю. Зиновьева // Швейцарские тетради. Нижний Новгород. 2012. С. 9-13 (0,3 п.л.).
38. Аверкина, С.Н. Родина в кармане / С.Н. Аверкина // Швейцарские тетради. Нижний Новгород, 2013. С. 76-80. (0,3 п.л.)
39. Аверкина, С.Н. Типология пожилых персонажей А. Штифтер / С.Н. Аверкина // Межкультурные коммуникации. Проблемы методологии и теории. Сборник научных статей. Выпуск IV. Москва, 2012.С. 208-219. (0,8 п.л.)

Аверкина Светлана Николаевна

РЕЦЕПЦИЯ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ БИДЕРМАЙЕР
В ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА МАННА

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000

Подписано в печать

Формат 60х90 1/16

Печ. 19,4 п.л.

Заказ

Тираж 100 экз.

Цена договорная

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»

603155, Н. Новгород, ул. Минина, д. 31